

ПРАВОСЛАВНАЯ

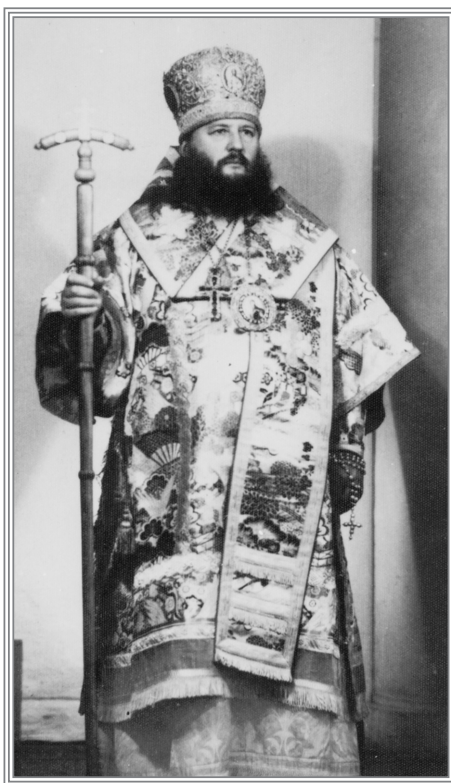

ЖИЗНЬ

(ORTHODOX LIFE)

(Приложение къ «Православной Руси»)

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 48-й. №4 (556) АПРѢЛЬ 1996

Жизнеописание

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Псаревъ
Архієпископъ Леонтій Чилійскій 1

Святоотеческое толкованіе
на Евангеліе отъ Маттея (продолженіе) 25

Bookstore

**Holy Trinity Monastery,
Jordanville, NY 13361**

Tel: (315) 858-0940
Fax: (315) 858-0505

«Письма къ друзьямъ», Михаила Новоселова, причисленнаго РПЦЗ
къ лику Новомучениковъ Россійскихъ; 354 стр.....\$13.00.
«Очерки по исторіи Русской Церкви», А.В. Карташевъ, 1254 стр.,
2 тома, твердый переплетъ\$26.00.
«Надъ Евангеліемъ», епископъ Михаилъ (Грибановскій, †1898 г.),
мягк. переплетъ, 255 стр.....\$8.00

На обложкѣ: Епископъ Леонтій, Житомиръ, 1942 г.

ORTHODOX LIFE-R (USPS 412-320, ISSN 0032-6992) is published monthly for \$12.00 per year by Holy Trinity Monastery, Jordanville, NY 13361.

Second-class postage paid at Jordanville, NY 13361.

POSTMASTER: Send address change to Holy Trinity Monastery,

P.O. Box 36, Jordanville, NY 13361-0036.

При перепечаткѣ ссылка на «Православную жизнь» обязательна

© Holy Trinity Monastery 1995

Къ 25-лѣтію со дня кончины

Архієпископъ Леонтій

Матеріалы къ жизнеописанію
архипастыря

А.В. Псаревъ

(Продолженіе)

30-е годы на Украинѣ

Въ 1931 г. на Украинѣ начался голодъ, спровоцированный большевиками съ цѣлью порабощенія крестьянства (зерно у государства было, т.к. предыдущіе годы изобиловали урожаемъ, да и изъ другихъ областей возможно было завезти хлѣбъ въ Малороссію). Былъ изданъ законъ, чтобы всѣ зерновые запасы были не у сѣятелей, но у государства. Спеціальныя бригады выискивали по домамъ «излишки». Тѣхъ, у кого находили спрятанное зерно, арестовывали. Вымирали цѣлыя районы, села, деревни. Доведенные голодомъ до отчаянія крестьяне бросали все и еле волоча ноги покидали родныя селенія и шли, куда глаза глядятъ. «Многіе голодающіе не въ состояніи были дойти до города и замертво или въ мученіяхъ падали на дорогахъ и неизвѣстныхъ тропинкахъ, — вспоминалъ владыка Леонтій, — я самъ не разъ видѣлъ подобныя жуткія картины, когда у умиравшаго отъ голодной смерти человѣка въ предсмертной агоніи изо рта съ пѣной выходила трава или древесная кора, которую за нѣсколько минутъ до смерти въ надеждѣ добраться до города онъ жадно жеваль... А сколько въ періодъ этого голода погибло людей, съѣденныхъ не только чужими, но даже близкими своими людьми. Когда я сидѣлъ въ тюрьмѣ, въ мою камеру посадили крестьянина, убійцу своего 4-лѣтняго сына...»³⁵.

Знакомый о. Леонтію іеродіаконъ Игорьъ, самъ полуголодный, каждый день ходилъ съ ручной телѣжкой по ближайшему тракту, собиралъ умершихъ отъ голодной смерти и погребалъ ихъ на монастырскомъ Преобра-

Соборный храмъ Успенія въ Кіевѣ, взорванный большевиками передъ уходомъ въ 1941 г.

О. Леонтій вскорѣ послѣ возведенія въ архимандриты и полученія академическаго значка. Кіевъ 1935 г.

(*"The Orthodox Word" No. 99*)

бочка, летящему на огонь, чтобы погибнуть»³⁶.

О. Леонтій былъ возведенъ въ игумены. Вскорѣ, въ концѣ марта 1932 г., на его квартиру въ Кіево-Печерской Лаврѣ, пришли за нимъ чекисты съ ордеромъ на арестъ. О. Леонтія не было дома; не чувствуя за собой никакой вины, и несмотря на памятный случай съ епископомъ Аркадіемъ (Остальскимъ), онъ рѣшилъ пойти въ ГПУ и спросить, въ чемъ дѣло, хотя то, что онъ былъ священникомъ и монахомъ, уже была достаточная вина передъ совѣтской властью. Въ ГПУ его обвинили въ агитациі противъ власти, были предъявлены и другія подобныя мнимыя обвиненія. О. Леонтій былъ арестованъ...

«Въ камерѣ, наверху, маленькое окошечко, къ которому былъ привѣшенъ желѣзный мѣшокъ, еле пропускало свѣтъ. Камера, рассчитанная по числу нарѣ или деревянныхъ коекъ на 17 человѣкъ, въ тотъ день, да и послѣ, вмѣщала 96 чел. Было время ужина и очередной вечерней провѣрки. Такъ какъ это была пасхальная недѣля, то, войдя въ камеру, я громко крикнулъ: «Христосъ воскресъ»! Подобно мощному гулу, мнѣ отвѣтили: «Воистину воскресъ»! Тотчасъ со всѣхъ сторонъ меня обступили товарищи по несчастью и посыпались вопросы: откуда? за что? по какой статьѣ обвиняютъ?...»³⁷ Духовенство, находившееся въ камерѣ, собравшись утромъ и вечеромъ, совершало свое молитвенное правило по книгамъ, которыя иногда пропускались, и по памяти. У о. Леонтія въ деревянной коробочкѣ

женскомъ кладбищѣ. «Во время Рождественскаго поста я посѣщаль дома своихъ прихожанъ на одной изъ окраинъ Кіева. Въ рѣдкомъ домѣ не голодали. Навсегда запечатлѣлись нѣкоторыя картины. Холодный зимній день. Вошелъ въ комнату. Посрединѣ катокъ изъ человѣческихъ экскрементовъ. На печи сидитъ опухшая отъ голода старуха-мать, закутанная въ какое-то тряпье. Въ одномъ углу лежитъ молодой человѣкъ, похожій на скелетъ, — сынъ, два дня тому назадъ скончавшійся отъ истощенія, въ другомъ углу — младшій сынъ умираетъ. Сколько такихъ картинъ я видѣлъ, знаетъ только Господь. Я удивляюсь, какъ могло мое сердце вынести это и не разорваться. Можетъ быть, потому, чтобы когда-нибудь я могъ обо всемъ повѣдать міру, еще не сошедшему съ ума, но въ ослѣпленіи своемъ, какъ ба-

были Св. Дары въ видѣ сухариковъ. Помолившись, въ праздники рано утромъ причащались, дѣлая видъ, что чѣмъ-то занимаются, и владыка давалъ своимъ единомышленникамъ въ руку Св. Дары. Исповѣдь была съ епитрахилью, сдѣланной изъ обычнаго полотенца, и проходила скрыто въ видѣ разговора другъ съ другомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ о. Леонтія освободили. Его освобожденію способствовало какъ разъ то, что онъ явился самъ, а также хлопоты его прихожанъ и архієпископа Сергія (Гришина). Немало докучала ОГПУ родная сестра о. Леонтія — сирота, находившаяся на иждивеніи у родственниковъ. Ко времени выхода о. Леонтія, кievскій кафедральный соборъ — малая Софія, былъ отнятъ. Кафедре была устроена въ бывшемъ Братскомъ монастырѣ, гдѣ уже не было монаховъ, и просуществовала она тамъ нѣсколько мѣсяцевъ.

«При таинственной обстановкѣ былъ вывезенъ за городъ архидіаконъ Братскаго монастыря о. Климентъ и утопленъ въ Днѣпрѣ. Черезъ нѣкоторое время его тѣло, полусъѣденное рыбами, было случайно найдено рыбаками внизъ по теченію Днѣпра... На ієродіакона нашей Преображенской пустыни о. Милія, необычайно кроткаго человѣка, въ лѣсу напали безбожники и звѣрски убили, вырвали у него челюсти. Не прекращались аресты и разстрѣлы духовенства и закрытіе храмовъ. Такимъ образомъ, декларация митр. Сергія не облегчила церковную жизнь въ Совѣтскомъ Союзѣ, а только усыпила общественность и за границу, дала возможность безнаказанно расправляться съ беззащитнымъ духовенствомъ»³⁸ (примѣрно въ то же время былъ убитъ братъ о. Леонтія — Александръ — сост.) .

Вспоминаетъ о. Веніаминъ: «Въ богатомъ пригородѣ Приговка былъ богатый храмъ, трехпрестольный. Священника арестовали, и вотъ, Владыка Константинъ вызвалъ игумена Леонтія — это было черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его возвращенія изъ Петрограда — и говоритъ: вотъ, такая-то семья осталась безъ средствъ къ существованію, вы одинокій, хотите занять этотъ приходъ съ тѣмъ, чтобы половину того, что вамъ будутъ давать прихожане, отдавать этой семьѣ, чтобы они могли существовать? — О. Леонтіи жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ. Тамъ случилось нападеніе на о. Леонтія. Онъ жилъ въ маленькой комнаткѣ, въ пономаркѣ. Зима, страшный холодъ. Однажды о. Леонтіи проснулся и чувствуетъ какой-то безотчетный страхъ, онъ весь покрылся холоднымъ потомъ. Ночью тихо, слышенъ малѣйшій шорохъ, и въ этотъ моментъ онъ слышитъ: кто-то возится со входной дверью храма, и чувствуетъ, что дверь открыли и бѣгутъ къ алтарю. Подбѣгаютъ къ его дверямъ и пытаются открыть. О. Леонтіи понималъ, что происходитъ, потому что передъ этимъ были другія нападенія: къ одному священнику забралась и закололи церковнымъ копіемъ. О. Леонтіи схватилъ кочергу, выбилъ оконце, схватилъ первое попавшееся, — бумажную иконку преп. Серафима, свернулъ ее въ рупоръ и началъ кричать, чтобы его услышать. Тѣ уже ругаются матерно, — все равно доберемся и уьемъ, — и начали выпиливать замокъ. Случайно какой-то крестья-

нинъ, вышедшій по надобности, услышалъ крикъ, поднялъ тревогу, разбудилъ и сосѣдей, и люди стали сбѣгаться къ храму съ крикомъ. Тѣ услышали и убѣжали. Передъ тѣмъ, какъ напасть на церковь, они перерѣзали провода, ведущіе къ другому домику, гдѣ жили двѣ сестры, которыя церковь обслуживали, но днемъ онѣ работали, и еще какой-то чиновникъ тамъ жилъ. Они ихъ связали. Послѣ этого о. Леонтій выпилъ ледяной воды, а онъ былъ отъ крика разгоряченный, началась ангина, потомъ воспаленіе легкихъ, онъ чуть не умеръ. И это отразилось на его голосѣ на всю жизнь. Какъ только онъ начиналъ пѣть въ полный голосъ, у него сразу начинались спазмы въ горлѣ, и онъ уже никогда по-настоящему не поправился. Потомъ очередной арестъ. Владыка говорилъ, что онъ чувствовалъ себя лучше въ тюрьмѣ, чѣмъ на свободѣ, потому что тамъ уже определенное состояніе, ты уже сидишь, а на свободѣ ты ожидаешь, что вотъ-вотъ придутъ за тобой, а главное, — боишься за людей, которые давали какой-то пріютъ, т.к. большевики арестовывали ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ чадами и домочадцами, а если, когда владыка былъ на нелегальномъ положеніи, нашли бы, гдѣ онъ скрывается, такъ разстрѣляли бы и его, и тѣхъ, кто его скрывалъ со всѣми родственниками. И все-таки были люди, которые шли на это, рискуя жизнью своей и своихъ близкихъ, скрывали его»³⁹.

Въ 1933 г., опять въ апрѣлѣ, о. Леонтій, схи-архіепископъ Антоній, два его келейныхъ іеромонаха и нѣсколько человекъ изъ братіи Киево-Печерской лавры были арестованы. Изъ ОГПУ о. Леонтій былъ отправленъ въ тотъ же тюремный корпусъ, что и въ прошломъ году, только этажомъ ниже. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ всѣ были освобождены, но условно. О. Леонтій былъ отправленъ на каменоломни въ г. Коростень⁴⁰. Тамъ съ о. Леонтія насильно сняли духовную одежду, остригли бороду и волосы и одѣли въ арестантское платье сѣраго цвѣта, а на ноги дали ботинки на деревянныхъ подошвахъ. Работа о. Леонтія была — носить желѣзные ломы для тѣхъ, кто буравилъ гранитъ, а потомъ взрывалъ. Вскорѣ репрессированныхъ перевели на новое мѣсто жительства, въ разоренный храмъ, но поскольку мѣстное населеніе оказывало имъ сочувствіе, ихъ помѣстили въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села, на болотѣ, въ палаткахъ. Цѣлый день заключенные работали на каменоломняхъ, а на ночь надо было пѣшкомъ добираться до лагеря. Питаніе было настолько плохое, что были случаи смерти отъ голода, а также отравленія ѣдой. Отъ такой обстановки и питанія тѣло о. Леонтія стало опухать, и изъ опухоли на ногахъ стали выдѣляться гной. Неожиданно прибывшая комиссія военныхъ врачей, несмотря на протестъ начальника лагеря, освободила его, признавъ совершенно не способнымъ къ физическому труду (пусть онъ лучше умретъ на свободѣ, чѣмъ въ лагерѣ). Въ своихъ воспоминаніяхъ владыка пишетъ, что съ этимъ врачебнымъ свидѣтельствомъ онъ прибылъ въ ближайшій городъ Ж., гдѣ на кафедрѣ былъ викарный епископъ В. (повидимому, рѣчь идетъ о Житомирѣ, гдѣ въ 1932-34 гг. былъ епископъ В. Шкурко — сост.),

собрать по Лаврѣ, у котораго о. Леонтій останувился на нѣкоторое время. Здѣсь православные лѣчили его, главнымъ образомъ, съ помощью дрожжей. Окрѣпнувъ, о. Леонтій рѣшилъ посѣтить близкихъ въ Москвѣ и Петроградѣ.

Маховикъ системы уничтоженія работалъ планомѣрно и безжалостно, храмы закрывались и разорялись, еще не арестованное духовенство чувствовало, что доживаетъ свои послѣдніе дни. Управляющій Петроградской епархіей митрополитъ Алексій (Симанскій) въ то время находился въ Москвѣ, куда и прибылъ о. Леонтій. «Митрополитъ Сергій былъ боленъ и никого не принималъ, а вмѣсто него принималъ митрополитъ Алексій. Когда митр. Алексій узналъ, что я недавно освобожденъ отъ принудительныхъ работъ и прошу его совѣта, а также гдѣ-нибудь мѣсто священника, онъ, испуганно покачавъ головой, отвѣтилъ довольно рѣзко, что мѣста для меня у него нѣтъ и не предвидится, и съ этими словами покинулъ меня. Безучастіе и равнодушіе были написаны на его лицѣ. А вѣдь когда-то я сослужилъ ему, и онъ казался другимъ человѣкомъ... Совсѣмъ иначе въ той же патріархіи встрѣтилъ меня архієпископъ Питиримъ, управлявшій Московской епархіей... Владыка Питиримъ пригласилъ меня къ себѣ въ комнату, разспросилъ о нуждахъ... Значить, можно было и въ то нелегкое время иначе отнестись ко мнѣ...»⁴¹.

Послѣ посѣщенія патріархіи о. Леонтій посѣтилъ своего стараго знакомаго по Данилову монастырю, епископа Серпуховскаго Сергія (Воскресенскаго), викарія митроп. Сергія, жившаго при храмѣ свв. апп. Петра и Павла, что у Преображенской заставы. Епископъ Сергій принялъ странника очень радушно и на вопросъ его относительно перспективъ на будущее въ смыслѣ существованія Русской Православной Церкви и о личномъ устройствѣ о. Леонтія, по-дружески сказалъ: «Доживаемъ послѣдніе годы. Вопросъ нѣсколькихъ ближайшихъ лѣтъ — и все уничтожатъ по выработанному плану. Вамъ нѣтъ смысла пытаться устраиваться на церковномъ поприщѣ. Во-первыхъ, это такъ непрочно. Да вы и не сумѣете ориентироваться въ такой сложной обстановкѣ. Лучше перейти на другое положеніе, подальше отъ взоровъ большевиковъ. Я самъ не знаю, что будетъ со мной»⁴². Это было послѣднее свиданіе владыки Леонтія съ епископомъ Сергіемъ, убитымъ при неизвѣстныхъ обстоятельствахъ въ 1944 г., въ Прибалтикѣ.

Въ Москвѣ о. Леонтій останувился у одной старой слѣпой схимницы въ Головино, гдѣ былъ женскій монастырь во имя иконы Божіей Матери Казанской, разогнанный большевиками. Молодыхъ насельницъ изгнали, а старыхъ оставили. «Въ связи съ этимъ мнѣ приходится еще разъ вернуться къ личности о. А.Л. (прот. Александра Лебедева — сост.), правителя дѣлъ Московской Патріархіи — пишетъ владыка въ «Воспоминаніяхъ». Въ этотъ мой пріѣздъ у меня произошла странная бесѣда съ нимъ. Узнавъ, что я отбывалъ свои принудительныя работы сравнительно недалеко отъ

Прот. А. Лебедевъ
 («Акты патріарха Тихона»,
 М. 1994 г.)

границы — 125 км и исправлять шоссе послѣ каменоломни, о. А. задалъ мнѣ такой искусительный вопросъ: “Вы были близко отъ границы. Не знаете ли вы случайно, можно ли тамъ переходить границу?” Отъ этого вопроса мнѣ стало страшно... Я съ испугомъ отвѣтилъ ему, что не знаю и этимъ никогда не интересовался. Далѣе онъ сталъ спрашивать меня: “А гдѣ вы остановились?” Не находя ничего особеннаго въ этомъ, казалось бы, безобидномъ вопросѣ, я отвѣтилъ, что у одной схимницы, старой и слѣпой, на окраинѣ Москвы, въ Головино. “А еще и схимницы есть въ Москвѣ”, — съ удивленіемъ сказалъ онъ. Я почувствовалъ, что проговорился... Вскорѣ мнѣ стало извѣстно, что жившія въ Головино престарѣлыя монахини, въ томъ числѣ и слѣпая схимница, у которой я пробылъ только нѣсколько дней, были арестованы и высланы изъ Москвы⁴³.

По возвращеніи въ Кіевъ, о. Леонтій рѣшилъ перейти на нелегальное положеніе. Переѣхавшій вмѣстѣ со столицей Украины изъ Харькова въ Кіевъ экзархъ митрополитъ Константинъ, устроилъ свою кафедру въ одномъ изъ 4-хъ не закрытыхъ храмовъ города, на Соломенкѣ, на окраинѣ. Какъ разъ въ это время, приблизительно, въ 1935 г., пришелъ изъ патріархіи указъ о возведеніи о. Леонтія въ архимандриты. Поэтому митрополиту Константину пришлось возводить о. Леонтія въ архимандриты не въ храмѣ, но у себя дома. Тогда же его вызвали въ отдѣлъ религіозныхъ культовъ и съ отмѣткой въ документѣ (регистраціонной карточкѣ) предложили навсегда покинуть предѣлы Кіева^{43а}.

Передъ о. Леонтиемъ стоялъ вопросъ, какъ устроить свою дальнѣйшую жизнь? Поступать на свѣтскую работу сторожа или санитаря онъ не считалъ душевно полезнымъ. «Ибо совѣтскій ядъ проникаетъ всюду. Не хотѣлось и перекрашиваться, скрывать, кто я, состоя на работѣ, потому что даже невидное положеніе въ Совѣтскомъ Союзѣ непрочно, всегда сопряжено съ рискомъ и часто съ компромиссомъ со своею совѣстью. Мнѣ казалось и такъ подсказывало сердце, что самое благое въ моемъ положеніи, это независимость отъ большевиковъ, а это возможно только въ условіяхъ нелегальнаго существованія... На этотъ путь и благословилъ меня и мой духовный отецъ — схи-аріепископъ Антоній»⁴⁴. Въ 1937 г. — когда уже изъ тюремъ никого не освобождали, о. Леонтій перешелъ на нелегальное положеніе и поселился у одной бѣдной старушки, тайной монахини, въ г. Переяславлѣ, на берегу Днѣпра (до него у нея проживали два квартиранта, одинъ изъ нихъ — архимандритъ Геласій /Майборода/, впослѣдствіи подвизавшійся много лѣтъ при митрополитѣ Анастасіи).

Позже владыка Леонтий напишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Православныя женщины въ Россіи всегда были и продолжаютъ быть безстрашными и жертвенными. Жизнью своей онѣ не дорожили, скрывали у себя гонимое большевиками православное духовенство, рискуя въ случаѣ обнаруженія разстрѣломъ. Онѣ устраивались на работу и отъ своего скуднаго заработка, часто лишая себя необходимаго, предлагали скрывавшимся все, чѣмъ можно было ихъ снабдить. Служа въ качествѣ прислугъ, нянекъ и кухарокъ у коммунистовъ, если узнавали о грозящей кому-либо опасности, предупреждали ихъ, спасая такимъ образомъ отъ неминуемой смерти. Ради помощи несчастнымъ нерѣдко вдвое работали, чтобы не было упрековъ отъ семьи. Какъ я уже указывалъ, безстрашно отражали нападки обновленцевъ и самосвятковъ. Женщины были бичомъ для всѣхъ раскольниковъ и еретиковъ. Я на себѣ испыталъ въ совѣтскихъ условіяхъ ихъ милосердіе и самоотверженность, даже до смерти. Честь и слава русской землѣ, воспитавшей такихъ героинь»⁴⁵.

«Всюду у меня было много друзей и почитателей, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, благодаря моему старцу, схи-архієпископу Антонію»⁴⁶. Также, служа на приходѣ, о. Леонтій приобрѣлъ и своихъ духовныхъ чадъ, которыя не оставляли его своей заботой. Служилъ онѣ тайно на дому безъ посѣтителей, въ присутствіи только домашнихъ, но вскорѣ начались о немъ разспросы сосѣдей, и доброжелатель предупредилъ его, что ему лучше уѣхать. Въ день отъѣзда (въ запретный городъ) утромъ онѣ простился съ хозяевами, а днемъ пришелъ милиціонеръ съ повѣсткой ему, явиться на слѣдующій день въ ОГПУ. Проживъ нѣкоторое время въ запретной для него зонѣ, о. Леонтій перебрался въ Житомиръ, гдѣ поселился въ ветхой лачугѣ у старыхъ церковныхъ людей. Сюда со всей Волыни и Подоліи было согнано много клириковъ. Съ періодическими выѣздами о. Леонтій прожилъ въ Житомирѣ до середины 1937 г., живя у своихъ близкихъ и тайно съ ними молясь. Въ августѣ 1937 г. здѣсь начались аресты духовенства, а когда арестовали епископа Максима (Руберовскаго), о. Леонтій покинулъ городъ. Вскорѣ послѣ этого за нимъ пріѣхала машина изъ ГПУ съ собакой ищейкой и всюду его искали.

Почайнинская улица на Подолѣ.
Кіевъ, фото 1990 г.

Лавра была закрыта, а на Покровъ 1937 г. былъ произведенъ арестъ ея братіи. Мѣсто ихъ гибели неизвѣстно. Въ октябрѣ того же года въ застѣнки НКВД былъ заключенъ митроп. Константинъ. Но, несмотря на то, что само пребываніе «поповъ» въ Кіевѣ было запрещено, не говоря уже о служеніи безъ регистраціи — Тихоновская Церковь пребывала здѣсь

Въ Києво-Печерской Лаврѣ въ 1943 г.

(Архивъ иг. Іуліаніи)

вмѣстѣ со своими чадами — однимъ изъ ея пастырей, не подчинявшихся сергіанамъ, чье имя сохранила для насъ церковная память, былъ схархим. старецъ Михайлъ Кіевскій^{45а}.

«Живя на нелегальномъ положеніи, служа самой малой части своихъ вѣрныхъ пасомыхъ (всего нѣсколько чело-
вѣкъ), я не всегда могъ позволить себѣ роскошь

посѣтить тайно своего когда-то близкаго собрата. Если я это дѣлалъ иногда, не выдерживая одиночества и желая въ бесѣдѣ съ такимъ же, какъ я, хоть немного укрѣпить себя, то у него я вызывалъ непріятное безпокойство своимъ посѣщеніемъ. Не обратили ли кто-либо изъ сосѣдей вниманія, что прошелъ незнакомый, не слѣдилъ ли за мной какой-нибудь секретный агентъ, не взять ли домъ подъ подозрѣніе? и т.п. Такъ смотрѣлъ на вещи и я. Старался избѣгать встрѣчъ съ духовными лицами, пользовавшимися свободой, или ихъ знакомыми. Черезъ другихъ до меня доходили свѣдѣнія, что гдѣ-то скрывается священникъ, тайно совершаетъ службы, но я не желалъ знать, кто онъ и откуда, въ какомъ домѣ служить, не зная, вынесешь ли допросъ и невольнo не предашь ли»⁴⁶.

Съ переходомъ на нелегальное положеніе о. Леонтій продолжалъ бывать въ Кіевѣ, но главнымъ его мѣстопробываніемъ былъ Житомиръ. Здѣсь, въ Житомирѣ, о. Леонтія и застала война, — черезъ двѣ недѣли послѣ ея начала нѣмцы заняли городъ. Проживалъ о. Леонтій въ квартирѣ многоэтажнаго дома — поскольку въ этомъ же домѣ жилъ начальникъ тюрьмы, то можно было не опасаться провѣрокъ на пребываніе постороннихъ въ квартирахъ. «Ранней весной 1941 г., — сообщаетъ владыка въ «Воспоминаніяхъ», — ГПУ, обозленное, что не можетъ напасть на мой слѣдъ, арестовало нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ и друзей. Сдѣлали такъ называемую «прочистку» во всѣхъ тѣхъ домахъ, гдѣ я раньше бывалъ. Искали меня при помощи провокаторовъ. Я вынужденъ былъ бѣжать, перодѣтый, въ другой городокъ. Тамъ меня друзья продержали три мѣсяца, скрывая въ шкафу для платьевъ. Почти всегда горѣлъ-шумѣлъ примусъ, чтобы не было слышно мое пребываніе. Ночью, покрытый женскимъ платкомъ, я стоялъ у пріоткрытаго окна, чтобы немного подышать свѣжимъ воздухомъ. Когда большевики вынуждены были отступать и оставили этотъ городъ, я вышелъ на улицу, не вѣря самъ себѣ, что я могу свободно ходить, какъ другіе люди. Началась новая эпоха моей жизни, милостью Божіей, я оказался на свободѣ».

Архіерей Украинской Автономной Церкви

Незадолго до начала войны съ Германіей, — пишетъ Алексѣй Ростовъ въ статьѣ «Исповѣдникъ»⁴⁷, въ Житомирѣ одинъ вѣрующій милиционеръ сообщилъ о Леонтію о томъ, что власти намѣрены арестовать его, и тайная монахиня укрыла его у себя на дому во врачебномъ кабинетѣ. Однажды ее посѣтила странствующая по городу юродивая. Опасаясь, что блаженная увидитъ исповѣдника, врачъ принялась угощать ее на кухнѣ, не пуская въ запертый на ключъ врачебный кабинетъ, объясняя, что тамъ лежитъ находящаяся подъ ея наблюденіемъ больная по имени Вѣра. Прощаясь, юродивая осѣнила доктора крестнымъ знаменіемъ, а та, вѣра въ ея святость, спросила: «что будетъ съ нами, когда городъ займутъ приближающіеся нѣмцы»? — «Вѣра твоя умретъ, но Леонтій спасется и повѣдаетъ міру, какъ гонять насъ за правду Божию», — отвѣтила, уходя, юродивая. Ея предсказаніе сбылось: исчезла миѳическая Вѣра, а архимандритъ Леонтій 7 ноября 1941 г., по избранію собора епископовъ Украинской Православной Автономной Церкви, былъ рукоположенъ во епископа Бердичевского. Хиротонія состоялась въ Почаевской Лаврѣ, «при сочувствіи народа и всѣхъ православныхъ; начиная съ моего духовнаго отца въ теченіе 20 лѣтъ, схи-архієпископа Антонія (и по его настоянію — сост.)» — писалъ владыка Леонтій въ мартѣ 1944 г. въ письмѣ къ митрополиту Анастасію.

Владыка Леонтій былъ рукоположенъ архієпископомъ Алексіемъ (Громадскимъ), епископомъ Дамаскинымъ Каменецъ-Подольскимъ (Малютой) и епископомъ Веніаминомъ Полтавскимъ (Новицкимъ), принадлежавшими къ Украинской Автономной Церкви, созданіе которой было учреждено 18 авг. 1941 г. рѣшеніемъ собравшагося въ Почаевской Лаврѣ Архіерейскаго собора. Въ этомъ соборѣ участвовали почти всѣ православные епископы, находившіеся на территоріи Украины: Алексій (Громадскій), епископъ Кременецкій, перешедшій въ 1941 г. изъ Польской Церкви въ МП; епископъ Антоній (Марченко), хиротонисанный въ Польшѣ въ началѣ 20-хъ годовъ, во время занятія СССР Восточной Украины пребывавшій на покоѣ; Симонъ (Ивановскій), старый епископъ польскаго посвященія; Пантелеимонъ (Рудыкъ) и Веніаминъ (Новицкій) хиротонисанные уже какъ епископы МП. Большинство изъ этихъ и рукоположенныхъ ими епископовъ присоединились къ Русской Зарубежной Церкви.

Главнымъ дѣяніемъ собора было рѣшеніе организовать Украинскую Автономную Церковь на основѣ постановленія Всероссийскаго помѣстнаго собора 1918 г., даровавшаго Украинской Церкви автономію въ рамкахъ Россійской Православной Церкви. Первоіерархомъ вновь созданной Украинской Автономной Церкви былъ избранъ архіерей, старшій по хиротоніи среди соборянъ — митроп. Алексій (Громадскій), принявшій въ

1943 г. мученическую кончину при невыясненных обстоятельствах. Украинская Автономная Церковь формально подчинялась МП, поскольку архиереи, возглавившие ее, считали, что не имеют никаких канонических прав объявить себя автокефалией. Но т.к. МП подчинялась большевикам, в административных своих решениях Автономная Церковь была совершенно независима, поэтому и духовное состояние ее было не такое, как у МП. С приходом немцев поименование руководства МП (призывавшей население к партизанской борьбе и верности сов. власти), прекратилось. Т.к. никакой связи с Москвой при немцах не было, Автономная Церковь, формально не являясь самостоятельной, фактически была независима от Москвы.

Параллельно с этим украинские националисты-самостийники при покровительстве некоторых архиереев «Польской Церкви» создали Автокефальную Церковь, под управлением митроп. Поликарпа (Сикорского) в которую в «сущем сане» были приняты уцелевшие клирики самосвяты — рукоположенные иерархией «митрополита» Василия Липковского. С этой конфессией владыка Леонтий никогда не имел ничего общего, хотя в «Словаре русских епископов» митроп. Мануила (Лемишевского), утверждается, что он «в сане епископа перешел в поликарповскую ориентацию». Также никогда епископ Леонтий не подчинялся варшавскому митроп. Діонісію. Когда владыка Леонтий, приехав в Варшаву, узнал, что митроп. Діонісій, у которого владыка Леонтий остановился, находится в общении с автокефалистами, то отказался с ним служить. Митрополит, узнав об этом, прислал к нему священника сказать: нам надо помешение — пожалуйста, освободите⁴⁸.

Архимандрит Веніаминъ вспоминает о том, как произошла хиротония владыки: «Городской голова, все духовенство Житомирщины и окрестностей собрали списки подписей под прошение, чтобы архимандрита Леонтия хиротонисали во епископа. О. Леонтий говорит, что я не приму посвящения до тех пор, пока владыка схи-архиепископ Антоний не даст своего благословения, и поехал в Киев к своему авву⁴⁹. Об этом узнали украинские автокефалисты и донесли немцам, что в Киев приехал шпион, и о. Леонтия арестовали, он сидел несколько недель, и могли его даже расстрелять, т.к. в то время много не разбирались. Но киевляне, зная о. Леонтия, стали протестовать и требовать его освобождения, указывая, что арестован он совершенно незаконно. Владыка Антоний приказал ему подчиниться избранию».

С первого дня после хиротонии владыка Леонтий управлял Житомирской епархией, с титулом Бердичевского. Первоиерарх Украинской Церкви, митроп. Алексій (Громадскій), носил титул экзарха Украины, митрополита Волынского и Житомирского. Ожидали, что он должен переехать в Киев на столичную кафедру, но подходящего момента все не было — война. Временно туда был послан епископ Пантелеимонъ

Харьковскій (впослѣдствіи Буэнось-Айресскій — сост.). Владыку Леонтія хиротонисали съ титуломъ епископа Бердичевского, викарія Волынской епархіи, по избранію житомирской паствы и для Житомира. Но т.к. митроп. Алексій не хотѣлъ сразу же переѣзжать въ Кіевъ, онъ назначилъ туда митр. Пантелеимона, который до этого былъ его представитель въ Житомирѣ. Если бы митр. Алексій переѣхалъ въ Кіевъ, то тогда онъ бы, вѣроятно, назначилъ управляющимъ Волынской епархіей епископа Пантелеимона, и тотъ переѣхалъ бы въ Житомиръ, а владыка Леонтій тогда занялъ бы Бердичевскую кафедру; онъ съ 1-го дня хиротоніи былъ посланъ въ Житомиръ, но съ тѣмъ, что его титулъ будетъ Бердичевскій. Владыкѣ Леонтію — новорукоположенному епископу, не могли сразу же дать такую отвѣтственную кафедру. Послѣ того, какъ въ 1943 г. украинцы-бендеровцы убили митроп. Алексія, всѣ остались безъ измѣненій на своихъ мѣстахъ. Возглавилъ Украинскую Церковь епископъ Пантелеимонъ.

Въ Житомирѣ, при нѣмцахъ, открыли 6 храмовъ, и одинъ изъ нихъ власти отдали самостійникамъ. Владыка протестовалъ. «Но нѣмцы вели политику, чтобы всѣ были довольны — у васъ есть 6 храмовъ, дайте одинъ имъ. Владыка Леонтій говоритъ — не могу, какой палець ни отрѣжете, мнѣ больно. Ему говорятъ — отдайте какой самый бѣдный, неустроенный, разрушенный большевиками. Это былъ Крестовоздвиженскій храмъ, его и отдали самосвятамъ, туда разъ въ мѣсяцъ прѣѣзжалъ изъ Винницы священникъ. Владыка Леонтій служилъ только по-церковнославянски. Иногда, въ зависимости отъ того, гдѣ онъ служилъ, онъ проповѣдовалъ по-украински»³⁰.

Представленіе о томъ, въ какомъ состояніи находился Житомиръ послѣ отступленія коммунистовъ, даетъ сводка нѣмецкой тайной полиціи отъ 18 іюля 1941 г., текстъ которой приведенъ въ трудѣ В.И. Алексѣева и Ф.Ставра «Русская Православная Церковь на оккупированныхъ территорияхъ». Въ районѣ Житомира,— говорится въ сводкѣ, — появленіе нѣмцевъ сопровождалось открытыми религіозными собраніями съ участіемъ большого количества молодежи. Церкви въ городѣ разрушены или превращены въ склады. Городъ послѣ отступленія большевиковъ опустѣлъ почти наполовину. Въ Житомирѣ первая церковная община была создана нѣмецкимъ военнымъ священникомъ, католикомъ. Городская кладбищенская церковь стала сначала католической церковью; затѣмъ, замѣтивъ, что богослуженіе похоже на польское, вѣрующіе перестали посѣщать ее. Епископъ Леонтій, котораго война застала въ Житомирѣ, еще будучи архимандритомъ, организовалъ въ городѣ православный приходъ.

Въ этой же работѣ приводятся цитаты изъ книги д-ра Фредерика Хейера "Die orthodoxe Kirche in der Ukraine von der 1917 bis 1945" (Cologne: R.Muller. 1953), въ которой говорится, что если до революціи въ одной только Житомирской епархіи насчитывалось 800 православныхъ приходовъ, то передъ II-ой міровой войной во всемъ Совѣтскомъ Союзѣ ихъ ос-

Русская земля въ огнѣ
 ("The American Heritage Picture Hist. of WW II")

Въ архивѣ историка В.И. Алексѣева хранится письмо епископа Леонтія, подтверждающее данныя Хейера объ открытіи 300 приходовъ автономной Церкви. Въ томъ письмѣ владыка сообщаетъ также о томъ, что во вновь открытомъ Богоявленскомъ монастырѣ было 10 человекъ братіи, да еще 10 желали поступить, но не могли изъ-за запрета оккупационныхъ властей. Въ женскомъ монастырѣ въ г. Овручѣ было 45 монахинь, въ Любарскомъ монастырѣ — 15, да еще въ двухъ скитахъ по 10 монахинь. «Церковный подъемъ во время кратковременнаго пребыванія нѣкоторыхъ территорій подъ германской военной оккупацией, т.е., когда Церковь временно стала свободна отъ большевицкаго ига, — пишетъ владыка въ «Воспоминаніяхъ», — подтвердилъ, что православный народъ сумѣлъ сохранить въ своихъ духовныхъ катакомбахъ Православную вѣру, чистую, не засоренную совѣтскимъ налетомъ. Это испугало совѣтскую власть и она пошла на новую провокацію, создавъ патриархатъ и поставивъ патриарха, чтобы при помощи этого церковнаго подъяремнаго искусственнаго аппарата продолжать бороться съ Православіемъ и религіей вообще. Но вѣры изъ глубины народной души совѣтская власть вытравить не сможетъ, и еще большимъ пламенемъ ее озарится наша земля, когда спадутъ коммунистическія окулы».

На оккупированныхъ территорияхъ нѣмцы не позволяли сноситься съ Русской Зарубежной Церковью, однако, владыкѣ какъ-то удалось установить связь съ Ладоміровой. Владыка Леонтій былъ первый изъ русскихъ священнослужителей, пережившихъ на родинѣ большевицкое иго и всту-

тавалось всего нѣсколько сотъ. Но къ 1943 г. въ Житомирской епархіи насчитывалось уже примѣрно 300 приходовъ, подчиненныхъ Украинской Автономной Церкви. Для ихъ обслуживания было найдено 30 старыхъ священниковъ; около 200 священниковъ, прошедшихъ краткіе богословскіе курсы, было рукоположено владыкой Леонтіемъ⁵¹.

Къ Владыкѣ постоянно пріѣзжали делегации изъ епархіи, просили священниковъ. И вотъ, находили бывшихъ псаломщиковъ или людей, имѣвшихъ достаточную церковную подготовку, царскихъ офицеровъ, на примѣръ. Почти годъ владыка служилъ почти каждый день, т.к. за литургіей можно рукоположить только одного священника и одного діакона.

пившихъ въ общеніе съ Братствомъ преп. Іова Почаевскаго на Карпатахъ, его корреспонденціи за подписью епископъ N-скій помѣщались въ «Православной Руси» (см., напримѣръ, отъ 2/15 іюля 1942 г., №13-14) и въ «Лѣтописи Церкви» (см. приложение №3), составлявшейся въ 1943 г. архимандритами Серафимомъ и Наѡанаиломъ, когда изданіе «Православной Руси» было временно запрещено. Послѣдній прислалъ Владыкѣ утѣшительное письмо. Владыка очень хотѣлъ посѣтить братство въ Ладоміровой, но сдѣлать это ему не удалось. Однако, будучи въ Вѣнѣ, владыка познакомился съ его настоятелемъ, архим. Серафимомъ (Ивановымъ), и въ послѣдствіи посѣщалъ братію, переѣхавшую въ Свято-Троицкій монастырь въ Джорданвиллѣ.

Истерзанная большевиками Малороссія постепенно возвращалась къ церковной жизни.

На второй день праздника Богоявленія въ 1943 г., къ соборной площади сошлись крестные ходы со всѣхъ 6 храмовъ и потомъ пошли по главной улицѣ «на Іордань», на рѣку Терекъ. Народу, навѣрное, было 30-40 тыс., — крестному ходу не было видно ни конца, ни края.

Было создано епархіальное управленіе. Когда было возможно, Владыка объѣзжалъ приходы епархіи. Въ 1942 г., при одномъ изъ такихъ посѣщеній, въ Овручѣ, гдѣ жилъ рабъ Божій Іоаннъ Вознюкъ (будущій архим. Веніаминъ), состоялось его знакомство съ владыкой. Тамъ организовался женскій монастырь, гдѣ было 45 монашествующихъ, и Іоаннъ посѣщалъ каждое воскресенье монастырскій храмъ, поэтому монахини его знали. Когда пріѣхалъ владыка Леонтій, онѣ рассказали ему объ Іоаннѣ, и одинъ прихожанинъ представилъ его владыкѣ, который сразу же пригласилъ его въ Житомиръ. Впервые 18-лѣтній Іоаннъ пріѣхалъ туда подъ Крещеніе 1943 г., а потомъ, спустя приблизительно двѣ недѣли, снова пріѣхалъ, и съ тѣхъ поръ и до самой смерти владыки былъ у него въ духовномъ послушаніи^{51а}.

Въ августѣ 1943 г. неизвѣстныя лица забрали изъ собственного дома въ г. Владимірѣ Волынскомъ епископа Мануила (Тарновскаго), бывшаго 2-мъ викаріемъ Волынской епархіи, вывели его въ лѣсъ и повѣсили. Въ выпущенной бендеровцами листовкѣ указывалось, что епископъ Мануилъ казненъ за измѣну своему народу. Владыка Леонтій былъ въ то время 1-мъ викаріемъ Волынской епархіи⁵².

Вспоминаетъ о. Веніаминъ: «Насколько я знаю, во время войны на владыку покушеній не было. Были подкидныя письма, угрожавшія смертью въ случаѣ, если къ такому-то сроку не будетъ внесена огромная сумма на какой-нибудь партизанскій отрядъ. Когда владыка сталъ получать такія письма, то онѣ со мною уѣхалъ въ Кіевъ. Партизанъ вездѣ полно было. Какъ-то мы поѣхали въ одну деревню служить, потомъ изъ деревни крестнымъ ходомъ пошли въ лѣсъ, чтобы тамъ на источникѣ освятить воду, надо было идти нѣсколько километровъ. Когда мы шли крестнымъ хо-

домъ, то крестьяне намъ говорятъ: тутъ на крестномъ ходѣ половина — партизаны. Такъ что, если хотѣли, то безпрепятственно убили бы. Не только партизаны, но и нѣмцы расправлялись со священниками. Вотъ, одинъ клирикъ владыки совершалъ богослуженіе въ храмѣ въ рабочій день. Нѣмцы говорятъ: не смѣй служить, должны всѣ идти на работу, — а онъ служилъ, такъ его избивали почти до полусмерти палками. Владыка старался избѣгать того, что можно было бы назвать политикой, но большевиковъ онъ обличалъ; если бы онъ противъ нѣмцевъ сталъ говорить открыто, то его на слѣдующій день повѣсили бы, не считаясь съ тѣмъ, что онъ архіерей. Однажды нѣмцы требуютъ отъ него воззванія къ народу на опредѣленную тему. Владыка обдумываетъ каждое слово и пишетъ: по нашимъ грѣхамъ Господь наказываетъ страну, народъ, мы теряемъ близкихъ, народъ долженъ каяться. И выходитъ, что виноваты и мы, и большевики, и нѣмцы. Нѣмцамъ это не нравится, а владыка говоритъ: я другое не могу написать — меня партизаны убьютъ. Такъ что приходилось “ходить очень опасно”. Война такая была, что шутить нельзя было: или съ одной стороны смерть, или съ другой. Владыка Леонтій имѣлъ фотографіи общихъ могилъ разстрѣлянныхъ большевиками въ Винницѣ, гдѣ тысячи людей лежали въ рядъ и родные приходили ихъ опознавать. Владыка Евлогій совершилъ ихъ общее захороненіе. Когда владыка Леонтій и я уѣзжали изъ Варшавы, большевики уже были на другомъ берегу рѣки, а нѣмцы насъ не выпускаютъ, такъ что въ любой моментъ большевики могли насъ захватить, тогда владыка Леонтій все сжегъ, т.к. чувствовалъ: если схватятъ и увидятъ фотографіи — разстрѣляютъ на мѣстѣ»⁵³.

1 нояб. 1943 г., въ годовщину смерти схи-архіепископа Антонія (впослѣдствіи день прославленія св. прав. о. Іоанна Кронштадтскаго), о. Веніаминъ былъ рукоположенъ въ іеродіаконы, за два дня до этого онъ былъ постриженъ владыкой Леонтіемъ въ малую схиму.

Въ Русской Зарубежной Церкви

Вскорѣ совѣтскія войска заняли Кіевъ. Нѣмцы оставили Житомиръ, и партизаны приблизились къ городу. Населеніе бѣжало, предвидя возвращеніе большевицкой власти. Теперь уже для владыки Леонтія узилище или смерть были неизбѣжны. Тѣмъ болѣе, что МП, какъ вѣрная прислужница Красной арміи, лишила сана всѣхъ, кто открыто обличалъ большевиковъ⁵⁴. «Выбраться по желѣзной дорогѣ нельзя, машинъ нѣтъ. Владыка накануне купилъ лошадь и повозку, мы нагрузили ее и думали выѣзжать. Только выѣхали, вдругъ грузовикъ какой-то зацѣпилъ и все изломалъ. Вернулись назадъ. На слѣдующій день утромъ Владыка отправился въ городъ узнать, какъ можно выбраться. Городъ опустѣлъ. Все закрыто. Владыка вернулся въ монастырь и видитъ: стоитъ колонна грузовиковъ — казачья часть, которая, поскольку выполняла ремонтныя работы техники,

всегда находилась близъ фронта, и какъ только фронтъ приближался, ихъ отбрасывали дальше, поэтому далеко съ ними уѣхать было нельзя, но можно было оторваться отъ линіи фронта»⁵⁵. «Владыка говоритъ, — продолжаетъ свой рассказъ о. Веніаминъ, — вотъ, уѣзжаете, а архіерея оставляете на растерзаніе коммунистамъ. — Казаки говорятъ, — поговорите съ офицеромъ, онъ у насъ хорошій. — Нашли офицера, объясняемъ ему положеніе, и онъ говоритъ — если найдете мѣсто, садитесь. — Въ ихъ распоряженіи находились громадныя чехословацкіе грузовики-фургоны, заполненные станками. Въ одинъ прицѣпъ, въ которомъ были станки, мы втиснули вещи, сами влѣзли, даже мѣста не было, чтобы вернуться. И такъ мы шагомъ проѣхали 40 км до Бердичева, тянулись колонны отступающихъ — машины, техника, снѣгъ идетъ, подъ ногами мѣсиво, грязь, а люди уходятъ по полямъ, кто какъ можетъ. Доѣхали до Бердичева, нужно было проѣзжать мостъ, а онъ сожженъ партизанами. Остались ночевать, даже моторы не гасили. На второй день мостъ какъ-то починили, поѣхали черезъ Шепетовку, гдѣ въ бывшемъ колхозѣ раньше дѣлали колеса. Дальше казаки не идутъ. Нѣмецъ-офицеръ далъ намъ машину до Шепетовки. Половины вещей не досчитались, у меня былъ одинъ чемоданъ, и тотъ пропалъ, въ чемъ я стоялъ, въ томъ и остался. У владыки пропали чемоданы съ облаченіями, но что дѣлать — война, какое управство? Идемъ по путямъ. Темнѣетъ уже. Стали на развѣздѣ. И тутъ составъ съ открытыми платформами, безъ какихъ-то огражденій, почему-то задержался. Мы не спрашиваемъ, вещи погрузили и поѣхали. Только ночью партизаны обстрѣливали зажигательными пулями, но паровозъ не повредили. Но зато, когда дальше ѣхали, направо-налѣво по сторонамъ дороги составы взорванные. Десятки километровъ взорванныхъ поѣздовъ. Пріѣхали глубокой ночью въ Ковель. Разговорился я съ однимъ машинистомъ, какъ, говорю, не боитесь ѣздить, а онъ — ничего, человекъ не такъ легко убить, я уже съ третьимъ паровозомъ подъ откосъ лечу, они тамъ лежатъ, а я на другой сажусь. На другомъ составѣ пріѣхали въ Холмъ, а тамъ поляки чуть камнями не бьютъ: нѣмцы, вслѣдствіе своей политики, создали междоусобицу — гдѣ было больше украинцевъ, они вырѣзали поляковъ, а гдѣ было больше поляковъ, тамъ вырѣзали украинцевъ. А для поляковъ духовенство, русское или украинское, все равно — враждебное, такъ что они готовы были насъ на вокзалѣ побить камнями. Потомъ и поляки разобрались, что есть церковь самостійниковъ-ненавистниковъ, которые съ нами ничего общаго не имѣютъ, увидѣли наше духовенство, вѣрующихъ и уже относились доброжелательно».

Въ Варшавѣ владыку и о. Веніамина опекала русская колонія и А.С. Свитичъ. Съ помощью проф. М.В. Зызыкина владыка Леонтій вступилъ въ переписку съ митрополитомъ Анастасіемъ, находившимся въ то время въ Бѣлградѣ, прося о принятіи въ Русскую Зарубежную Церковь: «Не прочь бы очутиться на Св. Аѳонѣ, если бы это было возможно въ настоя-

Въ Гамбургѣ въ 1946 г.
(Архивъ иг. Іуліаніи)

чувствами.

Владыкѣ Леонтію удалось вывезти многія святыни, въ числѣ которыхъ частицы мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ, нѣкоторыя изъ нихъ онъ впоследствии передалъ Іосифу Муньезу, хранителю Иверской муроточивой иконы; извѣстно, что другія, какъ на примѣръ, свят. Николая Мурликійскаго, преп. Серафима Саровскаго (вывезенныя въ 1926 г. изъ Саровской обители), были переданы въ Свято-Николаевскій храмъ въ Венецуэлѣ⁵⁶ или находятся въ другихъ мѣстахъ.

4/17 мая 1944 г. епископъ Леонтій — первый изъ іерарховъ Украинской Автономной Церкви — былъ принятъ въ юрисдикцію РПЦЗ и указомъ Архіерейскаго Синода отъ 25 іюля/7 авг. того же года былъ назначенъ на каѳедру викарія Германской епархіи РПЦЗ, но приступить къ этому служенію изъ-за различныхъ обстоятельствъ не смогъ.

Парагвай

Опредѣленіемъ Архіерейскаго Синода РПЦЗ отъ 26 авг./8 сент. 1945 г. въ Бразильской епархіи была учреждена каѳедра викарнаго епископа Парагвайскаго. Въ тѣ годы многіе лишенные родины русскіе люди устремились въ поискахъ убѣжища въ Южную Америку.

Оказавшись въ эмиграціи, владыка Леонтій глубоко скорбѣлъ о глубокихъ раздѣленіяхъ, образовавшихся въ русской церковной средѣ. Издатель выходившей въ Буэносъ-Айресѣ газеты «Русское слово» Н.И. Сахновскій, встрѣчавшій владыку въ Европѣ и въ Южной Америкѣ, вспоминаетъ: «Послѣ тягостныхъ дней II-ой міровой войны для русскихъ "Ди-пи"

щее время, или гдѣ Вы найдете для меня полезнѣе» (изъ письма отъ 23 марта 1949 г.). Съ такими же прошеніями въ Архіерейскій Синодъ Русской Зарубежной Церкви обратились и другіе архіереи Украинской Автономной Церкви, оказавшіеся въ изгнаніи, которые, при содѣйствіи владыки Леонтія, были приняты въ юрисдикцію РПЦЗ 24 авг./6 сент. 1945 г. Въ іюль 1944 г. владыка Леонтій прибылъ въ Вѣну (черезъ недѣлю послѣ ихъ выѣзда изъ Варшавы тамъ началось національное возстаніе), оттуда онъ попалъ во французскую зону Германіи и, наконецъ, въ Мюнхенъ, гдѣ въ то время находился Архіерейскій Синодъ РПЦЗ. Здѣсь епископъ Леонтій былъ представленъ митрополиту Анастасію, который бесѣдовалъ съ нимъ и проникся къ нему добрыми

наступили еще болѣе страшные дни массовыхъ выдѣлъ и преслѣдованій. Въ ноябрѣ 1946 г. я готовился къ отъѣзду изъ Бельгіи въ Парагвай. Какъ разъ въ эти дни Господь судилъ мнѣ встрѣтиться съ владыкой Леонтіемъ, тогда еще епископомъ, только что получившимъ назначеніе отъ Синода въ Парагвай.

Съ первыхъ же нашихъ словъ Владыка сталъ разспрашивать о жизни эмигрантовъ въ довоенные годы, о сущности расхожденій между евологіанами и соборной Церковью, о «восточномъ обрядѣ» и его роли въ Зарубежѣ, и было видно тяжелое раздумье на его лицѣ...

Владыка не ожидалъ встрѣтить такой духовный развалъ въ русской эмигрантской средѣ, не хотѣлось ему вѣрить, что столько епископовъ нарушили свои обѣты и свой долгъ, что такое множество мірянъ тупо и бессмысленно идутъ за лже-пастырями. Такое же разочарованіе переживали въ тѣ дни многіе лучшіе представители изъ "новой" эмиграціи, мечтавшіе найти за рубежомъ организованную и сплоченную массу Зарубежной Руси»⁵⁷.

Многіе изъ представителей старой эмиграціи съ недоувѣріемъ относились къ людямъ, жившимъ столько лѣтъ подъ совѣтами. Надо было вмѣстѣ съѣсть пудъ соли, чтобы люди начали довѣрять и относиться безъ подозрѣній. «Заграницей есть люди, считающіе, что съ ихъ отъѣздомъ за границу все кончилось, чуть ли не въ теченіе одного года все было уничтожено большевиками, храмы и духовенство. Они искренно сочувствуютъ всѣмъ убиеннымъ, молятся за нихъ, служатъ панихиды... Но если они встрѣтятъ духовное лицо, чудомъ и милостью Божіей спасшееся изъ-за желѣзнаго занавѣса, они приходятъ въ крайнее недоумѣніе и выражаютъ удивленіе: какъ вы остались живы? мы полагали, что тамъ всѣ давно уби-

ты... — Стараются воспѣвать ихъ (новомучениковъ — сост.) подвиги и страданія, но явись они сейчасъ среди насъ, многихъ забросали бы камнями свои же, потому что ихъ описанія пережитого не совпали бы съ установленнымъ стандартомъ»⁵⁸.

25 дек. 1946 г. владыка Леонтій, первый изъ епископовъ Русской Церкви послѣ окончанія II-ой міровой войны, въ сопровожденіи іеродіа-

Копію отъ Царскій Русской,
Копію отъ священноначальству
Митрополиту Анастасію,
Любимому Св. Отцу, на
моментъ вѣнчанія пачать
ан. нед. сана и посиди-
ника епископа
Леонтія.
4. VII. 46?
? Шлезвиг.

Открытка митрополиту Анастасію отъ епископа Леонтія изъ Шлезвига. 4 іюля 1946 г.

кона Веніаміна прибыль въ Буэносъ-Айресь.

Церковная жизнь Южной Америки многими скорбями и искушеніями встрѣтила владыку Леонтія, а тяжелое матеріальное положеніе затрудняло существованіе владыки: епархія, состоявшая, въ основномъ, изъ вновь прибывшихъ, не могла оказывать вспоможеніе владыкѣ, также и Синодъ былъ не въ состояніи оказывать ему финансовую поддержку. «Старые» эмигранты, въ значительномъ числѣ прибывшіе въ Парагвай изъ предвоенной Польши, были людьми весьма просовѣтски настроенными, и содѣйствовать попомъ, которые въ ихъ представленіи были дармоѣды, расположенія не имѣли. «Когда мы пріѣхали въ Парагвай, — вспоминаетъ о. Веніаминъ, — то тамъ на приходѣ были крестьяне простые, главнымъ образомъ, изъ Польши, колонія, гдѣ мы жили, называлась Капитанъ Миранда, существуетъ еще и сейчасъ. Жили мы только тѣмъ, что могли посѣять на огородѣ, потому что крестьяне намъ не помогали. Одна только крестьянская семья намъ хлѣбъ пекла, а общее отношеніе было безразличное. Сами работайте, — мы работаемъ, и вы работайте. Среди нихъ было очень много распропагандированныхъ, какъ совѣтской агитаціей о великой, могучей совѣтской родинѣ-побѣдительницѣ, такъ и западно-украинскими націоналистами. Когда мы начали имъ рассказывать о томъ, что совѣтская армія дѣлала, то они не вѣрили — вы фашисты, съ нѣмцами работали. Но потомъ, когда крестьяне увидѣли, какъ мы жили, какъ мы работали, то стали къ намъ относиться очень хорошо, но помощи матеріальной никакой. Я пекъ просфоры и церковь убиралъ, и мнѣ давали 20 гураны (нѣсколько долларовъ) въ мѣсяцъ, а на эти деньги можно было купить 5 кг хлѣба. Владыка не получалъ ни копейки. Въ Парагваѣ было еще духовенство, но, къ сожалѣнію, при тамошнихъ обстоятельствахъ, когда никто не помогаетъ, они, бѣдные, опустились. Они были одинокіе, и владыка пытался ихъ принять въ наше братство, чтобы они какъ-то остепенались, но очень трудно, когда человекъ дошелъ до такого предѣла. Въ томъ селеніи Капитанъ Миранда владыка основалъ монастырь, мѣстные жители этому не препятствовали. Среди постриженниковъ владыки былъ о. Савва (Сарачевичъ), который былъ имъ поставленъ въ іеродіаконы и впоследствии сталъ епископомъ Эдмонтонскимъ». Великимъ постомъ 1948 г. о. Веніаминъ былъ рукоположенъ въ іеромонахи. Но монашеская жизнь въ Парагваѣ не наладилась, братія разъѣхалась, а владыка былъ впоследствии назначенъ въ Чили.

Владыка пріѣхалъ въ Парагвай какъ разъ, когда тамъ началась гражданская война. Молодой архіерей, въ вѣдѣніи котораго совсѣмъ недавно находилось нѣсколько сотъ приходоѡ, теперь вынужденъ былъ устраивать свое существованіе въ совершенно чуждыхъ условіяхъ и среди недоброжелательнаго окруженія; не сложились отношенія у владыки съ его архіепископомъ Θεодосіемъ, и также съ возглавившимъ сосѣднюю большую и быстро растущую Аргентинскую епархію архіепископомъ Пантеле-

**Епископъ Савва во время
III Всезарубежнаго собора
(фото С. Тарнопольскаго)**

имонемъ, бывшимъ возглавителемъ Украинской Автономной Церкви. Церковное управление, какъ считалъ владыка, относилось къ нему несправедливо и пренебрежительно. Какъ разъ въ это время настоятель Свято-Троицкаго собора въ Буэносъ-Айресъ, маститый русскій протопресвитеръ, замѣчательный миссіонеръ Константинъ Изразцовъ, присоединился къ Сѣверо-Американской митрополіи, отколовшейся послѣ Кливлендскаго собора 1946 г. отъ Русской Зарубежной Церкви. Въ сентябрѣ 1948 г. епископъ Леонтій пріѣхалъ въ Буэносъ-Айресъ, вступилъ въ общеніе съ протопресв. Константиномъ и былъ принятъ митроп. Теофиломъ въ составъ Сѣв.-Американской митрополіи со званіемъ епископа Аргентино-Парагвайскаго. Владыка Леонтій полагалъ,

что ему удастся объединить во едино раздѣлившихся православныхъ христіанъ, которыхъ онъ призывалъ къ любви. 11 авг. 1949 г. епископъ Леонтій писалъ митрополиту Анастасію: «Возношу Ваше святое имя и вошелъ въ единеніе съ Сѣв.-Американской митрополіей въ концѣ іюня с.г.». 13 авг. епископъ Леонтій Архіерейскимъ Синодомъ въ качествѣ предупредительной мѣры пресѣченія былъ запрещенъ въ священнослуженіи. Владыка подчинился, тяжело переживая запрещеніе отъ канонической церковной власти, и 7 сентября обратился съ прошеніемъ къ митрополиту Анастасію: «Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивый Архипастыръ и отецъ. Внявъ Вашему отеческому призыву вернуться обратно въ Архіерейскій Синодъ, я подалъ прошеніе въ Сѣв.-Американскую митрополію о своемъ выходѣ изъ ея юрисдикціи, а также порвалъ связь съ о. Константиномъ Изразцовымъ... Я вступилъ въ общеніе съ протопр. Константиномъ, надѣясь, что этимъ самымъ я принесу миръ для Церкви Божіей. Но ввиду того, что зло спѣетъ на горшее, я предпочелъ вернуться обратно въ Архіерейскій Синодъ... Конечно, мнѣ надо было все терпѣть до конца...» На слѣдующій день послѣ этого письма, владыка вернулся къ мѣсту своего служенія въ Парагвай. 14 сент. Архіерейскимъ Синодомъ запрещеніе было снято съ него. Въ другомъ своемъ письмѣ, написанномъ осенью того же года Высокопреосвященнѣйшему Анастасію, владыка Леонтій поясняетъ причины своего возвращенія въ лоно РПЦЗ: «Возвращеніе мое обратно въ Архіерейскій Синодъ было также продиктовано мнѣ моей личной совѣстью, а не какими-либо другими

Владыка Леонтий съ епископомъ Агапитомъ Гоянійскимъ (Бразилія), въ хиротоніи котораго онъ участвовалъ въ 1963 г.

Леонтію вновь вступить въ управление Парагвайской епархіей на правахъ епархіального архіерея.

Въ той мѣстности въ Парагваѣ, гдѣ Владыка началъ строить маленькій монастырь, Православіе занимало слабыя позиціи; поскольку люди были практически лишены пастырскаго окормленія, то начало проявляться стремленіе къ уніатству. Нѣкоторые становились монахами-василіанами, шли учиться въ уніатскія семинаріи. Владыка Леонтий былъ родомъ изъ Малороссіи, онъ зналъ, какъ бороться съ уніей, и старался вернуть этихъ несчастныхъ людей въ лоно истинной Церкви. Владыка хорошо говорилъ по-украински, но принципиально не служилъ на малороссійскомъ діалектѣ. За шесть лѣтъ пребыванія въ Парагваѣ владыка построилъ 2 храма, вель работу съ дѣтьми. И среди крестьянъ были тѣ, кто понималъ, что появленіе въ этомъ, одномъ изъ заброшенныхъ мѣстъ земли, архіерея Божія и полного клира при немъ есть великая милость, которая врядъ ли еще когда-нибудь повторится. «Помню, была Пасха 1947 г., — вспоминаетъ о. Веніаминъ, — и представляете, глухая деревня, а тутъ архіерейское богослуженіе съ иподіаконами. Хорикъ уже былъ обученъ пѣнію. И староста крестьянинъ говоритъ: смотрите, запоминайте — это небывалое явленіе, чтобы въ нашей глуши такое торжество церковное состоялось». Когда, не такъ давно, сподвижникъ владыки, архим. Веніаминъ, пріѣзжалъ въ селеніе Капитанъ Миранда, то не могъ повѣрить, что послѣ столькихъ лѣтъ тамошніе вѣрующіе все еще съ такой любовью вспоминаютъ владыку. Всѣ

обстоятельствами. Сѣв.-Американская митрополія и о. Константинъ ко мнѣ отнесли хорошо, что доказываютъ ихъ послѣднія письма ко мнѣ. Главнымъ побудителемъ былъ Вашъ призывъ и желаніе, дабы Архіерейскій Синодъ изъ-за меня не впалъ въ искушеніе, даже располагая формально канонами, какъ обвинительнымъ матеріаломъ противъ меня, а также дабы не искушать своихъ близкихъ (имѣется ввиду братія — сост.), на которыхъ вся эта исторія производитъ убійственное впечатлѣніе». 22 дек. 1949 г. Архіерейскій Синодъ РПЦЗ постановилъ: судебное дѣло Преосвященнаго Леонтія прекратить, возобновивъ его во всѣхъ іерархическихъ правахъ; освободить Преосвященнаго архіеп. Θεодосія отъ управления Парагвайской епархіей; Преосвященному

хотѣли, чтобы о. Веніаминъ остановился именно у нихъ дома — служа ему, они въ его лицѣ служили владыкѣ.

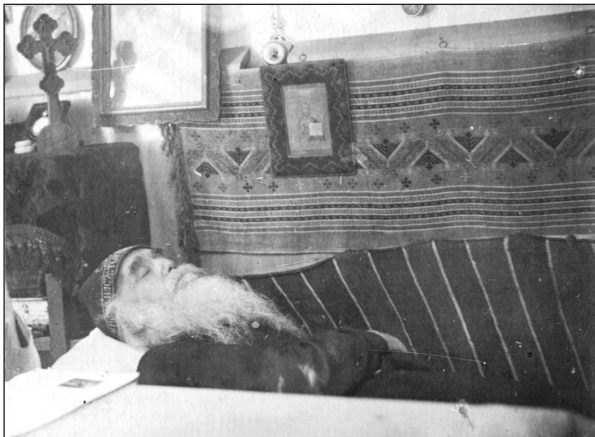
Въ началѣ 1951 г. епископъ Леонтій писалъ митрополиту Анастасію: «...Сижу я, какъ вѣдомо Вашей Святыни, безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, кромѣ, разумѣется, своего монашескаго дѣланія и земледѣланія, 4 года...» Владыка пишетъ свои воспоминанія. Еще въ 1949 г. архієпископъ Виталій (Максименко) предлагалъ епископу Леонтію переѣхать въ Канаду для помощи архієп. Иоасафу. Въ 1950 г. владыка Леонтій получилъ назначеніе на каѳедру епископа Эдмонтонскаго и Западно-Канадскаго. Владыка Иоасафъ изъ Канады направлялся въ Аргентину, но изъ-за сложности оформленія необходимыхъ для переѣзда документовъ и нестабильнаго политическаго положенія прибыть къ назначенному ему мѣсту служенія онъ не смогъ. «Но даже если бы мы и получили визы, — вспоминаетъ о. Веніаминъ, — то мы никогда не могли бы собрать деньги на билеты, на тѣ копейки, на что мы жили, это было невозможно. Тамъ вообще никто не могъ скопить денегъ, въ Парагваѣ у крестьянъ все было, но свои продукты они не могли продать, т.к. рынокъ былъ очень маленькій, а за границу тогда Парагвай не позволялъ ничего экспортировать, тамъ были законы 200 - лѣтней давности, чтобы, напримѣръ, пошлину платить въ золотыхъ монетахъ. Жизнь была очень примитивная въ то время — солдаты босикомъ ходили».

(Окончаніе слѣдуетъ)

Приложение №3

Письмо Епископа N (написано владыкой Леонтіемъ — сост.)

На дняхъ, возвратившись изъ богоспасаемаго града Кіева, куда я ѣздилъ на погребеніе своего незабвеннаго старца, схи-архієп. Антонія, я

19 окт./1 нояб. 1942 г. въ Кіево-Печерской лаврѣ блаженно почилъ схи-архієпископъ Антоній (Абашидзе)

засталъ вашу утѣшительную вѣсточку (видимо, письмо отъ архим. Наананіла — сост.), полную братской любви и задушевности, которая нѣсколько утѣшила меня въ моемъ большомъ горѣ, — невозвратной утратѣ въ лицѣ почившаго, дорогого владыки Антонія. Онъ былъ моимъ духовнымъ руково-

Св.-Троицкій соборъ (новый). Сантьяго, Чили. 1983 г.

дителемъ и отцомъ 20 лѣтъ. Если, по милости Божіей, я есть то, чѣмъ вы меня знаете, то только благодаря его воспитанію и мудрому руководству. Проведя меня и иныхъ своихъ духовныхъ чадъ черезъ Сциллу и Харибду, онъ ушелъ отъ насъ въ иной прекрасный міръ, оставивъ намъ, умирая, святительское завѣщаніе, какъ хранить чистоту вѣры и не отходить отъ единства Христовой Церкви.

Его завѣщаніе, а также краткую біографію считаю необходимымъ приложить при семъ для напечатанія въ вашей дивной газетѣ, по своей идеѣ и содержательности не имѣющей себѣ равной.

Поистинѣ всѣ мы, изголодавшись духовно за эти долгіе годы большевицкаго владычества, отдыхаемъ душой, впитывая въ себя какъ бальзамъ этотъ чудный духовный ароматъ, который вѣетъ съ ея страницъ.

Въ трудныхъ условіяхъ приходится сейчасъ стоять у кормила церковнаго корабля, т.к. не чувствуется единства: одни преслѣдуютъ чисто земныя цѣли, другіе — карьеру, а третьи, по складу своего ума, далеки отъ соборности Церкви. Посему приходится быть почти одинокимъ, и это одиночество еще острѣе чувствуется, когда не стало моего старца, а вѣдь онъ былъ моей опорой и той архіерейской совѣстію, которой провѣрялъ не только я, грѣшный, себя, но и всѣ ревнители христіанскаго благочестія.

Радуется мое сердце, видя въ лицѣ вашей обители и ея насельниковъ оплотъ нашего святого Православія. Я, недостойный, прошу и молю Господа Бога, чтобы онъ сподобилъ меня, грѣшнаго, познакомиться, дорогіе мои и родные, со всѣми вами, и въ братской бесѣдѣ излить все то накопившееся горе, которое пришлось пережить за эти мучительные тяжкіе годы царствія безбожія въ нашей, нѣкогда славной и благочестивой, православной великой странѣ. Послѣ этого письма предполагаю прислать вамъ къ Пасхѣ, «аще Господь восхоцетъ», переживанія свои въ N-ской тюрьмѣ, куда я былъ заключенъ 2 года подрядъ въ одно и то же время, въ дни великаго Христова Воскресенія.

Много скорбнаго пришлось пережить, но еще больше духовной радости. Кажется, что никогда такъ не былъ близко къ душѣ воскресшій изъ мертвыхъ Христосъ Жизнодавецъ, какъ въ тѣ страшные тюремные годы...

Сердечно благодарю за присланныя книжки, газеты и святые крестики. Всей дорогой братіи желаю много лѣтъ здравствовать.

Моя юная по возрасту и духу братія, въ составѣ 6 человекъ — 3 іеромонаха и 3 іеродіакона — сердечно благодарить за присланные подарки, прося у всѣхъ васъ молитвъ и благословенія.

Простите, Господь да хранитъ васъ и вашу святую обитель на многія лѣта. Остаюсь съ любовію о Господѣ, вашъ недостойный богомолецъ, епископъ Н-скій.

20/XII 1942 г.

(«Лѣтопись Церкви» церковно-литературный сборникъ», вып. 1-й, Владимірова, Словакія, 1943 г.)

Примѣчанія

33) Въ статьѣ монаха Амвросія (Сиверса) «Истоки и связи Катакомбной Церкви въ Ленинградѣ и области» (машинопись, СПб, 1993 г.), говорится, что схи-архіеп. Антоній (кн. Абашидзе) Таврической «съ 1925 г. проживалъ въ Кіевѣ, окормляя грузинскую паству. Организаторъ Грузинской Катакомбной Церкви. Ея первоіерархъ въ 1926-43 гг.».

33а) Бесѣда составителя съ архим. Веніаминомъ (Вознюкомъ).

34) Архієпископъ Леонтій «Воспоминанія».

35) Тамъ же.

36) Тамъ же.

37) Тамъ же.

38) Тамъ же.

39) Бесѣда составителя съ архим. Веніаминомъ (Вознюкомъ).

40) А. Даровъ въ статьѣ «Юбилей служенія и подвига» («Новое рус. слово», 1966 г.) указываетъ, что владыка работалъ на каменоломняхъ въ с. Высокая Печь на Житомирщинѣ. Провѣрить достовѣрность этого сообщенія у составителя не было возможности, тогда какъ остальные свѣдѣнія, содержащіяся въ этой статьѣ, которыя удалось провѣрить, не подтвердились.

41) Архієпископъ Леонтій «Воспоминанія».

42) Тамъ же.

43) Тамъ же.

43а) Тамъ же.

44) Тамъ же.

45) Тамъ же.

45а) Анна Ильинская «Церковь гонимая», «Литературная учеба», М., янв-февр. 1995 г.

46) Архієпископъ Леонтій «Воспоминанія».

47) А. Ростовъ «Исповѣдникъ», «Наша страна» 13 іюня 1971 г. Провѣрить достовѣрность этого сообщенія у составителя не было возможности, тогда какъ остальные свѣдѣнія, содержащіяся въ этой статьѣ, которыя удалось провѣрить, не подтвердились.

48) Бесѣда составителя съ архим. Веніаминомъ (Вознюкомъ).

49) О. Веніаминъ вспоминаетъ, что о. Леонтій старался все дѣлать съ согласія схи-архієпископа Антонія, почитая его не просто какъ епископа, но какъ святого. О. Леонтій рассказывалъ о многихъ случаяхъ прозорливости владыки Антонія. Еще до прихода нѣмцевъ, во время, когда неизвѣстно было, гдѣ ты проснешься утромъ — у себя или въ тюрьмѣ, владыка Антоній заставлялъ его сдавать зачеты профессорамъ. — Зачѣмъ? — спрашивалъ о. Леонтій, — завтра, можетъ быть, арестуютъ и разстрѣляютъ, кому это надо? — владыка Антоній говорилъ — никто не знаетъ,

что завтра будет, промыслъ Божій неизвѣстенъ. Поэтому подчиняйся, сдавай. (Бесѣда составителя съ архим. Веніаминомъ /Вознюкомъ/).

50) Тамъ же.

51) В. Моссъ указываетъ, что Григорій (Сѣкачъ), впоследствии схи-митрополитъ Катакомбной Церкви Геннадій, былъ рукоположенъ въ 1943 г. владыкой Леонтіемъ во пресвитеры и назначенъ на приходъ ("A Ray of Holy Russia"; The Life of Hieroconfessor Schema-Metropolitan Gennady /Sekach/ by Vladimir Moss /Ms/).

51а) Въ письмѣ митроп. Анастасію отъ 7 сент. 1949 г. епископъ Леонтій пишетъ по поводу переѣзда въ Канаду: «Надо выслать три визы: мнѣ, о. Веніамину и послушнику Θεодору. Я ихъ не покину никогда, и они со мною не разстанутся, особенно о. Веніаминъ. Онъ мнѣ вѣренъ при всѣхъ обстоятельствахъ. Такъ мнѣ и заявилъ, съ родины — и до гроба».

52) Александръ Свитичъ, магистръ богословія, «Православная Церковь въ Польшѣ и ея автокефалія», Буэносъ-Айресъ, «Наша страна», 1959 г.

53) Бесѣда составителя съ архим. Веніаминомъ (Вознюкомъ).

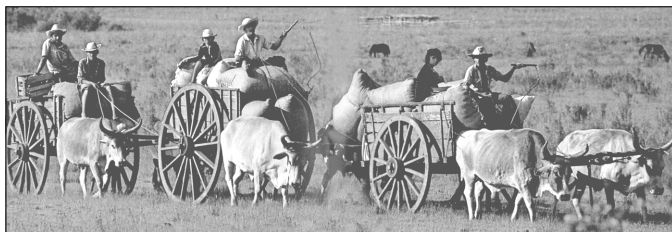
54) «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война», Сборникъ церковныхъ документовъ, М., 1943 г., стр. 40, 61, 74.

55) Бесѣда составителя съ архим. Веніаминомъ (Вознюкомъ).

56) Архіеп. Леонтій «Церковная жизнь въ Венецуэлѣ», «Епарх. вѣстн. Венецуэльской епархіи», №5, октябрь-ноябрь 1959 г.

57) «Русское слово» №47, 8 іюля 1972 г.

58) Архіепископъ Леонтій «Воспоминанія».

Въ Парагваѣ

(Nat'l Geographic)

